

Письма о христианском Римѣ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Въ катакомбахъ св. Валентина.

14 февраля катакомбы св. Валентина являются необыкновенное зрѣлище. Обычно закрытыя для посѣтителей, онѣ въ этотъ единственный день года открываются для скромнаго торжества: богослужбно поминается память мученика, здѣсь похороненнаго. Когда къ четыремъ часамъ мы вышли за черту аврелианскихъ стѣнъ черезъ Porta Дель-Пополо,—по *via* - Фламминія, древней консульской дорогѣ, отсюда идущей черезъ Этрурію до Римини,—видно было еще нѣсколько группъ, спѣшившихъ очевидно туда же. Пройдя около версты и оставивъ за собой изящную церковь св. Андрея, сооруженную Виньолой, мы повернули направо и очутились у входа въ катакомбы. Здѣсь уже тѣснился народъ, почти совсѣмъ закрывая чуть поднимавшіяся надъ землей развалины древней базилики св. Валентина. Одна старинная книга *De locis sanctis martyrum* называетъ эту базилику *mirifice ornata*, но теперь археологамъ приходится серьезно, сопоставленіемъ различныхъ текстовъ и данныхъ, доказывать что и эти жалкіе кирпичные остатки принадлежатъ одной изъ сильно почитаемыхъ въ древнемъ христианскомъ Римѣ церквей. Войдя въ катакомбы, первый, самый древній, этажъ которыхъ находится на уровнѣ съ *via*-Фламминія, ибо остальные два этажа вырыты въ холмѣ и расположены надъ первымъ, я увидаль необычную картину. Тѣсное пространство переплетающихся галлерей было сплошь занято молящимся народомъ. Желто-зеленые туфовые стѣны и своды были ярко

освѣщены множествомъ восковыхъ свѣчъ, расположенныхъ по три на всѣхъ выступахъ. Въ глубинѣ возвышался алтарь. и около него группа священниковъ рѣзкими завывающими голосами славила безтрепетно павшаго мученика. Трудно было разобрать, что именно они пѣли, но самое имя святого, часто повторявшееся, вдругъ разрывало власть времени и безпамятства—и умиляло и трогало до слезъ. Когда священники двинулись отъ алтаря и вмѣстѣ съ толпой, продолжая славословія, пошли по всѣмъ галлереймъ,—впрочемъ весьма немногочисленнымъ въ сравненіи съ безконечными галлерейми другихъ римскихъ катакомбъ,—на мгновение вдругъ показалось, что ожила сѣдая древность, что воскресло одно изъ собраній вѣрныхъ передъ свѣжей могилой только что пострадавшаго брата и радостное видѣніе первоначальнаго катакомбальнаго христіанства стало волнующе близко. Тотъ же колеблющійся свѣтъ, тѣ же мирныя могилы по стѣнамъ, тѣ же саркофаги съ замаскированной символикой, то же тихое, цѣломудренное лоно молчащей Земли, принимающей въ себя посѣвы Божественнаго Слова...

Священники, обойдя всѣ галлерей, вернулись къ алтарю. Богослуженіе было окончено. Сторожъ принесъ два стула: для монсиньора въ красныхъ перчаткахъ, скромно усѣвшагося въ уголокъ, и для профессора Ораціо Марукки, ревностнаго ученика и продолжателя великаго дѣла Джамбаттиста де-Росси. Этотъ маленький, сѣденькій человекъ, съ большимъ носомъ и большими сѣро-голубыми глазами, влѣзъ на стулъ и сталъ съ необыкновенной простотой и задушевностью излагать результатъ своего ученаго труда *Il cimitero e la basilica di S. Valentino*. Я посмотрѣлъ на слушателей. Солдаты, женщины изъ простонародья, съ дѣтьми на рукахъ, мѣшались съ интеллигенціей въ высокихъ воротничкахъ, съ дамами въ огромныхъ шляпахъ. Но у всѣхъ лица стали серьезно-сосредоточенными и украсились одухотвореннымъ вниманіемъ, съ которымъ такъ гармонировалъ зыбкій, подвижный и душистый свѣтъ горящаго воска. И несмотря на то, что дѣти пересмѣивались и шныряли между ногъ, я думаю, что Риму надземному, съ его безпардонными туристами, почти никогда не приходится видѣть явленія столь благоговѣйнаго. Тема была неблагодарная и неэффектная. Житіе св. Валентина—очень поздней варварской редакціи и

къ тому оно переплетено съ разсказомъ о скрывавшихся въ Римѣ знатныхъ персіянахъ Авдифаціи и Аввакумѣ. Цостъ критическаго анализа и археологической провѣрки, достовѣрное зерно исторіи св. Валентина сводится къ весьма немногимъ, но краснорѣчивымъ въ своей простотѣ фактамъ. При императорѣ Клавдіи Готскомъ (268—270 гг.), въ то время, какъ трудности далекаго похода томительно настраивали римскую чернь, вспыхнуло обычное озлобленіе противъ христіанъ, которыхъ винили во всѣхъ неудачахъ ослабѣвавшей имперіи, и вотъ, въ числѣ 260 мучениковъ, въ 269 г. палъ жертвою римской черни отличавшійся своей активностью священникъ Валентинъ. Актъ лаконически добавляетъ, что онъ былъ похороненъ „въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его обезглавили—in eodem loco, ubi decollatus est“. Это мѣсто, находящееся у самаго входа въ катакомбы, и стало началомъ христіанскаго кладбища, которое не имѣло времени особенно разростись, ибо скоро уже ютившіеся здѣсь христіане съ ликоваіемъ вышли на встрѣчу побѣдоноснымъ войскамъ Константина, сломившимъ языческое войско Максенція у близъ лежащаго Эмилиева моста и съ триумфомъ входящимъ въ Римъ по *via-Фламминіа* черезъ *Порта-дель-Пополо*.

Я съ истиннымъ внутреннимъ почтеніемъ смотрѣлъ на жестикулирующаго Марукки, блестяще справлявшагося съ трудностями темы и уже переходившаго къ пожеланіямъ, чтобы возникшее по мыслямъ де-Росси религіозное дѣло литургико - археологическаго пониманія свѣтлыхъ героевъ христіанской вѣры, продолжало расти и крѣпнуть. Его красное отъ возбужденія лицо было покрыто обильнымъ и честнымъ пѣтомъ честнѣйшаго труженика. Онъ вѣрно трудится на обширныхъ нивахъ исторической науки, продолжая идти съ горячностью по слѣдамъ учителя, въ абсолютной и гениальной свободѣ соединившаго исключительный даръ творческаго изслѣдованія съ безпредѣльной преданностью и вѣрностью Церкви. Вотъ онъ передо мною, крупный представитель новаго типа католическаго ученаго. Говорю новаго, ибо господство іезуитовъ почти совершенно атрофировало въ „бароккіанскомъ“ католичествѣ интеллектуальную совѣсть, которая является необходимымъ условіемъ для сознательнаго и свободнаго единенія съ Логосомъ цер-

ковнаго ученія. Имена Баронія, Тилльмона и немногихъ другихъ суть рѣдкіе оазисы среди огромныхъ пустынь въ интеллектуальномъ обиходѣ контро-реформаціоннаго католицизма. Лишь въ XIX вѣкѣ вновь возрождается атрофированная и на нѣсколько вѣковъ уснувшая способность. Въ области философіи создаютъ грандіозное дѣло свободнаго возврата къ средневѣковымъ и святоотеческимъ методамъ философствованія два великихъ священника: Антоніо Росмини и Винченцо Джоберти. Въ области исторической науки подымается настоящій гигантъ Д. де-Росси и можно сказать единолично свершаетъ со временемъ Галилея неслыханный по размѣрамъ научный подвигъ созданія новой дисциплины: христіанской археологіи. Вокругъ него образуется цѣлая школа—римская школа изслѣдователей первоначальнаго христіанства. П. Алларъ въ своей монументальной Исторіи гоненій всецѣло базируется на результатахъ геніальнаго дѣла де-Росси. Изъ этой же школы выходитъ другой первоклассный историкъ—Дюшенъ. Смотри на вспомнѣвшаго Марукки, я вдругъ вспомнилъ его рѣзкую книгу *Le catacombe ed il protestantesimo*, въ которой онъ ополчается противъ безпардонности протестантскаго „археолога“ Роллэ. Да, дѣйствительно нигдѣ нельзя себя чувствовать дальше отъ протестантизма чѣмъ въ катакомбахъ. Въ катакомбахъ особенно ощущается основная черта всего протестантскаго богословія, (которое собственно говоря есть чело-вѣкословіе, а не Богословіе, ибо Богу не предоставляеть никакого мѣста ни въ исторіи чело-вѣческой, ни въ исторіи міра)—его предвзятость. Отношенія протестантизма къ катакомбамъ необычайно характерно. Все положительное содержаніе реформаціоннаго мятежа противъ католической церкви сводится къ небольшой и весьма относительной исторической правдѣ: къ возврату къ чистотѣ и простотѣ первоначальнаго христіанства. Но, вмѣсто того чтобъ сдѣлать эту правду большой и безотносительной, т. е. вмѣсто того, чтобы побѣдивъ тевтонскую, саксонскую и романскую гордость ума, вернуться къ чистымъ истокамъ истины, незамутненно бю-щимъ на православномъ Востокѣ (что отчасти наклонень былъ сдѣлать Гусъ), реформаторы вступили на совершенно ложный путь индивидуальнаго воссозданія „изъ ниче-го“ потерянной церковной традиціи. Православное преданіе аб-

солютно конкретно, опытно, мистически-документально. Протестантское исканіе истинной Церкви отвлеченно, дедуктивно, мистически гипотетично. Протестантскій „богословъ“ во всѣхъ вопросахъ, т. е. въ области экзегетики, филологіи, археологій въ такой же мѣрѣ, какъ въ области догматики, философіи и гносеологій, всегда занятъ рѣшеніемъ уравненія съ двумя неизвѣстными—своеобразной теологической квадратурой круга. Ибо мѣрою индивидуальнаго сознанія онъ хочетъ провѣрить сверхъ-индивидуальное, уединенно-личнымъ вымѣрить соборно-церковное, субъективно-человѣческимъ охватить объективно-божественное, или, употребляя терминъ Джоберти, принципу психологическому подчинить принципъ онтологическій. Эта основная нелѣпость протестантскаго богословія превращаетъ протестантскую мысль въ постоянное и непрерывное дедуцированіе. Весь историческій матеріалъ проводится во всѣхъ частяхъ черезъ машину протестантскаго объективизма и въ этомъ нефилософскомъ процессѣ и состоитъ главнымъ образомъ „забота“ историка протестанта. Элементы христіанской исторіи искажаются въ самомъ первомъ фазисѣ трактованія и затѣмъ, изъ этихъ поддѣланныхъ, опсихологизированныхъ элементовъ, каждый историкъ на свой ладъ творитъ и собираетъ болѣе общія картины историческаго воспроизведенія. Катакомбы особенно сильно подчеркиваютъ эту черту. Въ самомъ дѣлѣ, катакомбы суть наиболѣе документальное изъ того, что намъ матеріально осталось отъ первоначальнаго христіанства. Казалось бы, что протестантская мысль должна была бы устремиться сюда, заинтересоваться катакомбами прежде всего, сдѣлать изученіе ихъ центральной задачей въ воссозданіи образа первоначальнаго христіанства. И вотъ, вмѣсто этого въ Анналахъ исторической науки значатся такіе характерные факты: Когда гуманистъ Бозіо, наткнувшись на катакомбы, посвятилъ изученію ихъ всю свою жизнь и когда, послѣ смерти его въ 1632 г., вышло замѣчательное по тому времени его описаніе катакомбъ *Roma sotteranea*—протестантскіе ученые Миссонъ и Бернетъ отвѣтили тѣмъ, что, не выходя изъ своихъ кабинетовъ, декретировали археологическое открытіе Бозіо несуществующимъ, но т. к. словесное заявленіе изъ Лейпцига и Лондона не могло уничтожить факта римскихъ катакомбъ, то они по методу про-

тестантской дедукціи объявили открытыя катакомбы нехристианскими, т. е. языческо-римскими, а все христианскія надписи и всю христианскую живопись и скульптуру катакомб—дѣломъ средневѣковья. Это было въ самомъ концѣ XVII столѣтія и послѣ работъ Больдетти, Марангони и Боттири, конечно, такая научная дерзость не могла повториться. Но, какъ всегда, съ „прогрессомъ“ мѣняются лишь формы, сущность же остается неизмѣнной, и вотъ въ XIX вѣкѣ повторяется тотъ же фактъ, только совѣмъ въ другомъ видѣ. Философія Канта, Фихте и Гегеля необычайно усовершенствовала старую машину протестантскаго субъективизма. Въмѣсто примитивныхъ и несложныхъ колесъ и рычаговъ были поставлены новыя, чрезвычайно сложныя философскія динамо-машины. Нѣмецкое богословіе переживало необычайный подъемъ и на первыхъ порахъ выпустило новыя перлы историческаго дедуцированія—произведенія тюрингенской школы. И вотъ, въ то время какъ протестантскіе ученые были заняты новымъ усовершенствованнымъ способомъ искаженія и насилуванія историческихъ матеріаловъ,—въ Римѣ—увѣренной и успѣшной рукой призваннаго гениа—совершалось невѣроятное по научной интенсивности дѣло открытія новыхъ обширнѣйшихъ катакомбъ, конкретно-археологическое изученіе всѣхъ христианскихъ древностей на протяженіи XII вѣковъ, созданіе опредѣленныхъ устойчивыхъ канонввъ новой научной дисциплины: христианской археологіи. И опять въ Анналахъ исторической науки былъ вписанъ замѣчательный фактъ: передъ носомъ у самой ученой націи въ мірѣ—такъ себя величаютъ нѣмцы—произошло завоеваніе новой обширнѣйшей по своимъ размѣрамъ научной области. И въ этомъ завоеваніи протестантскіе ученые не приняли никакого участія. Конечно, послѣ того какъ все было сдѣлано, протестанты не могли не спохватиться. Еще бы! новые матеріалы должны были поступить въ машину, въ которой тѣмъ временемъ производились новыя усовершенствованія неокантіанствомъ, неофихтеантствомъ и затѣмъ неогегельянствомъ и неопеллиганствомъ. Но фактъ остается фактомъ. Въ данной области протестантамъ приходится идти все время на научномъ буксирѣ, ступать по уже пройденному пути и чистой..

славы научнаго первенства въ открытіи и изученіи катакомбъ протестантскіе ученые навсегда лишены.

Конечно, это очень обидно. И чтобъ нѣсколько себя вознаградить, протестантскіе ученые пытаются умалить значеніе совершившагося. На г. Роллэ выпала печальная обязанность, все время идя противъ археологической очевидности путемъ выше названной протестантской дедукціи, доказывать, что катакомбы представляютъ ничтожное значеніе въ принципиальномъ отношеніи и ничего не говорятъ о православной традиціи, на которой зиждется бытіе Церкви. Говоря кратко, Роллэ отрицаетъ удостовѣренность катакомбальными памятниками: 1) таинства—Евхаристіи, 2) молитвъ къ усопшимъ и за усопшихъ, 3) почитанія Богоматери. Къ этому присоединяется еще одинъ пунктъ: вопросъ о приматѣ римскихъ епископовъ. Но т. к. самъ Марукки въ своемъ отвѣтѣ отмѣчаетъ, что приматъ римскихъ епископовъ удостовѣряется не археологическими данными, а литературными и историческими, и т. к. авторитетъ Марукки распространяется лишь на область археологическую, то мы съ полнымъ правомъ можемъ обойти этотъ вопросъ, сославшись для краткости на чрезвычайно характерное изложеніе специалиста-историка, вышедшаго изъ той же школы де-Росси,—монсеньора Дюшена, по которому выходитъ, что въ первые три вѣка нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ въ пользу примата римской катедры. За это-то исповѣданіе исторической правды сводный трудъ Дюшена *Исторія древней Церкви* и попалъ въ *Index*, а противъ автора начались обычныя преслѣдованія.

Приходится удивляться смѣлости Роллэ. Катакомбы пропитаны насквозь православными традиціями. Можно испытывать затрудненія лишь отъ обилія доказательствъ. Я могу остановиться лишь на самыхъ простыхъ и немногихъ данныхъ, и это позволить намъ бросить бѣглый взглядъ на надгробіи, живопись и символы, покрывающіе стѣны самыхъ древнихъ римскихъ катакомбъ. Въ катакомбахъ Домициллы, въ криптѣ Амплиата и въ вестибюлѣ Флавіевъ, относящихся къ концу перваго вѣка, мы видимъ евхаристическій символъ виноградной лозы, стоящей въ очевидной связи съ истинною лозою Евангелія отъ Іоанна. Въ катакомбахъ Каллиста, подъ одной изъ могилъ, изображенъ Пастырь Добрый съ

сосудомъ молока, а молоко, какъ пища овецъ, получаемая отъ Пастыря, въ христіанской символикѣ имѣеть евхаристическое значеніе. Объ этомъ опредѣленнѣе всего свидѣтельствуя достовѣрнѣйшіе акты св. Перепетуи, которая передъ мученичествомъ увидѣла во снѣ Пастыря Добраго, приобщающаго ее молокомъ небесной сладости и при этомъ вкушеніи, слѣдъ котораго она ощущала еще проснувшись, присутствующіе литургически восклицали: Аминь. Еще чаще встрѣчается символъ рыбы, ознаменовывающей Самого Христа. „Мы, маленькія рыбки,—говорить въ катакомбальномъ духѣ Тертулліанъ,—вслѣдъ за *ихдсѣ* напшимъ Иисусомъ Христомъ въ водѣ (благодати) рождаемся и лишь пребывая въ ней можемъ быть невредимыми“. Символу рыбы иногда придается опредѣленно-евхаристическое значеніе. Въ древнѣйшей части катакомбъ Каллиста—въ криптѣ Люцины мы видимъ явственное изображеніе рыбы, несущей на спинѣ своей корзиночку съ хлѣбами, среди которыхъ находится сосудъ съ краснымъ виномъ. Если хлѣбы символизируютъ чудесное умноженіе небснаго брашна, свершенное и свершаемое Христомъ, то присутствіе вина этому таинственному раздаянію брашна придаетъ евхаристическій смыслъ. Поэтому и довольно-частое изображеніе трапезы, въ которой присутствующіе вкушаютъ хлѣбъ и рыбу, должно истолковываться евхаристически. Недавно было найдена надпись II вѣка, сдѣланная Аверкіемъ, епископомъ Іерапольскимъ, и теперь хранящаяся въ Латеранскомъ музеѣ. Де-Росси справедливо называетъ её нарицей христіанскихъ надписей, ибо въ ней съ рѣдкой полнотою слетается цѣлый рядъ евхаристическихъ символовъ. „Я, Аверкій, ученикъ непорочнаго Пастыря, пасущаго овецъ Своихъ среди скалъ и долинъ, имѣющаго большіе глаза, которые все видятъ. Онъ преподавъ мнѣ ученіе жизни и послалъ меня въ Римъ, чтобы увидѣть царство и царицу, одѣтую въ золото и въ золотую обувь. И тамъ я увидѣлъ народъ украшенный свѣтлымъ знакомъ. И видѣлъ я поля Сиріи и Низиби за Ефратомъ. И всюду я находилъ братьевъ, собранныхъ вмѣстѣ... Вѣра всегда была моимъ водителемъ и дала мнѣ въ пищу великую Рыбу, Которую чистая Дѣва достала изъ источника и дала ѣсть друзьямъ своимъ съ лучшимъ виномъ, приготовивъ имъ питіе къ хлѣбу изъ вина и воды“. Съ этой іерапольской надписью.

находится въ поразительномъ соотвѣтствіи надписи, найденная на другомъ концѣ римскаго міра, въ Галліи. „О божественный родъ небесной Рыбы, сохрани сердце навсегда чистымъ и получи здѣсь, среди смертныхъ, безсмертный источникъ водъ. О другъ, цѣли свою душу водой, щедро дающей Мудрость. Возьми сладкій, какъ медъ, хлѣбъ Спасителя святыхъ и вкушай его съ великимъ желаніемъ, держа въ рукахъ твоихъ рыбу“.

Даже изъ этихъ немногочисленныхъ данныхъ мы видимъ, что катакомбы намъ говорятъ о тайнствѣ Евхаристіи, о реальномъ вкушеніи Тѣла Христова и опредѣленно опровергаютъ протестантскую доктрину „въ воспоминаніе“. Евхаристія имѣла и своихъ мучениковъ. Очень характеренъ случай съ Тарсиціемъ. По старой Аппіевой дорогѣ онъ несъ Тѣло и Кровь Христову христіанамъ, томящимся въ заключеніи, и когда его схватили язычники, онъ предпочелъ умереть, прежде чѣмъ отдать въ нечестивыя руки драгоценную ношу. Папа Дамазій, составившій много гексаметровъ въ благочестивую хвалу мученикамъ, говоритъ о Тарсиціи:

Ipse animam potius voluit dimittere caesus

Prodere quam canibus rabidis coelestia membra.

Второй пунктъ: почитаніе святыхъ и молитвы за усопшихъ—еще очевидно. Древніе и лаконическіе *in pace* или *in refrigerium* раскрываются въ „да упокоитъ тебя Господь“ или „да упокоитъ духъ твой Господь“—*Deus tibi refrigeret* или *Deus refrigeret spiritum tuum*. Димитрій и Леонтія въ катакомбахъ Домициллы пишутъ на могилѣ дочери: Господи Иисусе, помяни наше дитя! *μνηστὴς Ἰησοῦς ο χριστος τεχνον*. Въ самыхъ древнихъ катакомбахъ Присциллы мы находимъ такую надпись, относящуюся къ III вѣку: „Васъ, братья, прошу, когда вы сюда приходите молиться общей молитвой Отцу и Сыну,—вспомните и дорогую Агапу и помолитесь, чтобъ Всемогущій навѣки взялъ Агапу“. Это показываетъ, что въ катакомбахъ происходили богослужебныя собранія, на которыхъ всей Церковью молились за усопшихъ. Дѣйственность этой молитвы ярко свидѣтельствуется Актами св. Перепетуи. Въ одномъ изъ видѣній, ею самою записанныхъ, она видитъ своего умершаго семилѣтняго брата Динократа въ печали и жаждѣ. Тогда она и всѣ съ нею на-

чинають молиться о Динократѣ и въ слѣдующемъ видѣніи она видитъ его уже веселымъ и напившимся изъ источника. Молитвы за усопшихъ чередуются съ просьбами молитвъ отъ усопшихъ. *Vivas in pace et pete pro nobis*, Живи въ мирѣ и молись за насъ, или даже прямо: О нѣжный Саббалдій, молись за братьевъ твоихъ и за товарищей. Такихъ надписей безчисленное количество и многія изъ нихъ попадаютъ въ самыхъ раннихъ частяхъ катакомбъ, и самый характеръ буквъ выдаетъ ихъ древнѣйшій характеръ. Ролла, выставлющій тезисъ, что молитвы за усопшихъ и вѣра въ дѣйственность молитвъ отъ усопшихъ устанавливается лишь въ послѣ - Константиновское время, выдаетъ съ головою дедуктивный характеръ этого своего утверждения.

Почитаніе Богоматери, начинающееся въ Евангеліи—„отныняѣ будутъ ублажать Меня во все роды“—находитъ опредѣленные отзвуки въ катакомбальной живописи и скульптурѣ, несмотря на то, что этого легко могло бы и не быть, ибо катакомбы были мѣстомъ упокоенія мучениковъ и христіанскимъ кладбищемъ, а отнюдь не писаннымъ или зарисованнымъ символомъ вѣры первоначальнаго христіанства. Все догматическія данныя катакомбъ, несмотря на обиліе свое, носятъ сверхъдолжный характеръ и этого не должны забывать протестантскіе „интерпретаторы“. Наиболѣе замѣчательное изображеніе Богоматери, которую писатель II вѣка Ириней называетъ Заступницей, находится въ катакомбахъ Присциллы. Здѣсь Богоматерь сидитъ, держа на рукахъ Божественнаго Младенца. Вверху явственно видна звѣзда. Справа стоитъ мужская фигура, въ одной рукѣ держащая книгу, а другой указывающую на звѣзду. Это очевидно пророкъ предсказывающій словомъ Божиимъ появленіе Искупителя. Технически эта группа исполнена тѣми же самыми довольно высокими приемами, которые обыкновенно называются помпеянскою живописью и примѣръ которой въ Римѣ можно видѣть въ домѣ Ливіи на Палатинѣ. Послѣ II вѣка катакомбная живопись падаетъ и грубѣетъ, и, когда она начнетъ снова расцвѣтать,—толчекъ придетъ отъ Византии, удлиненный стиль которой ничего общаго не имѣетъ съ округленностью помпеянской живописи. Данное изображеніе приходится отнести не позже чѣмъ ко второму вѣку. Затѣмъ, въ катакомбахъ мы находимъ цѣлый рядъ Поклоне-

ній волхвовъ, о которыхъ подробно говоритъ де-Росси въ *Immagini scelte dello beata Vergine Maria tratte dalle catacombe Romane.*

Ничего не умѣя возразить противъ археологической очевидности изображеній Богоматери въ катакомбахъ, Роллэ пытается подорвать ихъ значеніе весьма страннымъ замѣчаніемъ. Онъ говоритъ, что это просто историческія картины, ибо у Богоматери въ катакомбальныхъ изображеніяхъ нѣтъ нимба. Но это соображеніе совершенно безсмысленно, ибо нѣтъ нимба и во всѣхъ катакомбальныхъ изображеніяхъ Христа, о поклоненіи Которому свидѣлствуютъ безчисленные мученики катакомбъ и, кромѣ того, нимбъ появляется въ исторіи христіанскаго искусства лишь въ IV вѣка, въ изображеніяхъ Христа и съ V вѣка въ изображеніи Апостоловъ и святыхъ.

Нѣтъ! Изъ катакомбъ протестантскія дедукціи рисуются въ очень жалкомъ видѣ. Каждый рисунокъ, каждый барельефъ, каждая надпись катакомбъ опредѣленно говорятъ намъ о живой и полной церковности первохристіанства, о непрерывной преемственности православнаго преданія восходящаго непосредственно къ Апостоламъ. Римская школа археологовъ изъ изученія катакомбальныхъ памятниковъ создала высокую научную дисциплину, и мы можемъ только сказать: честь и хвала этимъ честнымъ труженикамъ и великимъ изслѣдователямъ! Всякій, кто хочетъ изучать христіанскую археологію, долженъ, минуя Германію, ѣхать сюда,—ибо здѣсь не только катакомбы въ ихъ матеріальной наличности, но и всѣ научные первоисточники христіанской археологіи...

При выходѣ изъ катакомбъ св. Валентина, я подольше остановился на замѣчательной фрескѣ Распятія, покрывавшей стѣну вестюбюля. Это одно изъ самыхъ древнѣйшихъ Распятій, которое только знаетъ исторія. Марукки даже называетъ его первымъ. Вентури отдастъ первенство Распятію на дверяхъ С. Сабини. Сейчасъ эта фреска наполовину уничтожена пробитымъ входомъ. Только Апостоль Іоаннъ, таинственный водитель судебъ Православной Церкви стоитъ нетронутымъ. Его чрезвычайно молодое лицо какъ бы указываетъ на вѣчную юность православія. Ибо къ православію какъ бы обращено пророчество: „Я хочу, чтобы онъ про-

былъ, пока приду“. И вотъ, въ то время пока Ап. Іоаннь пребываетъ, рядомъ съ нимъ зяетъ проломъ, уничтожившій большую часть распятія. Откуда этотъ проломъ? Его исторія поистинѣ знаменательна. Она символически передаетъ всю трагическую исторію католической церкви. Съ IX вѣка катакомбы св. Валентина окончательно оставляются, входы ихъ обсыпаются благодѣтельной землей, которая на цѣлыхъ 6 вѣковъ хранитъ отъ разграбленія и разгрома ихъ святыни. Когда Бозію въ концѣ XVI вѣка стали изучать, катакомбы св. Валентина, они были еще въ полной нетронутости, и фреска, о которой мы говоримъ, была совершенно цѣла. Послѣ этого случайнаго открытія катакомбы снова забываются, но уже земля сняла съ нихъ покровъ и оставила ихъ беззащитными. И вотъ то, что не сдѣлали вѣка варварскихъ нашествій, войнъ и ограбленій,—то съ полной спокойствіемъ совѣсти сдѣлано бараккянскимъ католичествомъ. Въ то время какъ папы, достигшіе полноты мірской и церковной власти предавались веселой и языческой „жизни баракко“ и портили Римъ множествомъ церквей іезуитской архитектуры—въ это время катакомбы св. Валентина можетъ быть однимъ изъ поставщиковъ папскаго двора были превращены въ винный погребъ. Для того, чтобъ сдѣлать доступъ во внутреннія галереи болѣе удобнымъ, хозяинъ погреба пробилъ огромный проломъ черезъ фреску. Видѣлъ ли онъ или не видѣлъ, что бьетъ по членамъ Распятаго Спасителя—все равно этотъ фактъ съ яркостью свидѣтельствуеть о какомъ-то огромномъ историческомъ и мистическомъ безпамятствѣ, охватившемъ католическую церковь въ эпоху возрожденія. Абсолютное забвеніе катакомбъ въ то время, когда находка самой плохенькой античной статуи возбуждала энтузіазмъ у кардиналовъ и папъ, говорить объ уже давно начавшемся глубочайшемъ невидимомъ кризисѣ, видимыя послѣдствія котораго вродѣ реформации и католической реакціи составляютъ явленія вторичныя и производныя и потому сравнительно мало значительныя.

В. Эрнъ.
